

УЧЕНИК СМЕРТИ ВЕРХОВНЫЙ

БЕТТИ БЛЭК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бетти Блэк

Ученик Смерти. Верховный

<https://litres.ru/73864229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть мертва, и в Неверленде не осталось никого сильнее Питера Пэна. Пока погибающую от яда сделок землю сковывает зима, Рен пытается добраться до Моартестемара и не попасться тому, кто идёт за осколком души в её кармане. Феи ищут новую Смерть. Пираты «Чёрного георгина» поднимают мятеж. Души теряют ориентиры в мире, где сделки больше ничего не значат. А Питер Пэн умирает от собственной магии. Неверленд затаил дыхание.

Содержание

Глава 1. РЕН	4
Глава 2. Оук	19
Глава 3. Рен	29
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Бетти Блэк

Ученик Смерти. Верховный

Глава 1. РЕН

Когда Смерть коснулась его губ, он вдохнул жизнь.

Она рухнула на колени, еле успев выставить руки, чтобы не пропахать носом грязь. Светлые волосы, покрытые кровью вартирай, мокрые от дождя, упали на лицо. Рен вдохнула через боль в груди. Через слёзы, душившие её. Как она могла бросить Криди?

— Поднимайся, мамбо. Нечего мокнуть, — проговорила Динь. — Твой демон сделал то, что посчитал нужным.

— У него имя есть, — процедила Рен.

— Не важно мне, как его звали. И Неверленду не важно. А будешь цепляться за прошлое и мёртвое, никогда не выберешься.

Рен обожгло яростью. Рывком, оставив пальцами в мокрой земле глубокие борозды, она вскочила на ноги. Выхватив оставшийся, чудом не потерянный кинжал, Рен бросилась на Динь. Приставив кинжал к её горлу, Рен зарычала:

— Он за тебя жизнь отдал!

Динь расхохоталась. Её не напугал ни клинок, вдавленный

в кожу, ни сама Рен, слёзы которой, не имея возможности пролиться, подпитывали ярость и желание найти в произошедшем виновных.

— Как он мог отдать то, чего у него никогда не было, м?
— Динь сжала запястье Рен и оттолкнула руку от своего горла. Да так сильно, что Рен рухнула в грязь, выронив кинжал.
— Рогатый сам выбрал свой конец. Уверена, что пожертвовать собой — лучший исход для такого, как он. А имя — Динь выразительно хмыкнула. — Здесь оно ничего не значит, мамбо. Важно лишь то, каким ты приходишь и уходишь.

Рен до боли стиснула зубы, чтобы не сказать Динь пару гадостей. Ну, или сдержать рвущийся из груди крик. Крик по тому, кто пожелал не горевать о нём. Рен сглотнула противный горький ком, подобрала кинжал, поднялась. Динь уже стояла на крыльце серого замка, заросшего мёртвым плющом, среди которого торчали засохшие головы цветов. Дождавшись, когда Рен подойдёт, Динь толкнула деревянные двери. Те со скрипом отворились, в лицо Рен ударил порыв холодного ветра. Она ступила за Динь в холл осторожно, словно боялась разбудить спящего дракона, пусть и понимала, что тут точно нет никого достаточно живого, чтобы напасть на них.

В замке пахло застывшим временем. Ни пылью, стариной, влажностью и плесенью, как в заброшенных домах. А — ничем. Пустотой. В холле с высоким потолком, с которого свисала кованая люстра, было темно. Только из большого окна

над широкой лестницей лился серебристый свет лун. В центре холла сидела статуя. Динь взмахнула рукой, и факелы на стенах загорелись, позволив разглядеть застывшее изваяние. Догадка прошибла Рен после того, как Динь сдавленно простонала, словно её ударили ногой поддых, и приложила ладонь к груди. Она, бросив посох, шагнула к статуе, опустилась перед ней на колени. У статуи не было лица, лишь капюшон плаща, растёкшегося по полу. Одна рука статуи лежала на подлокотнике, вторая — протянута, словно она что-то отдавала. Смерть — Рен была уверена, что это именно она — сидела в кресле с высокой спинкой так, словно она просто решила здесь отдохнуть, но Рен и Динь нарушили её одиночество, правда Смерть не злилась, а приветственно протянула им руку. Рен склонила голову в знак почтения. Динь бормотала что-то неразборчивое, сидя у ног Смерти и прижавшись щекой к её руке.

— Это Пэн сделал? — решила спросить Рен.

Динь зыркнула на неё так, будто Рен сказала что-то настолько унижительное и оскорбительное, что сжечь её на месте — слишком милосердно.

— У сопляка не хватит сил даже со всеми душами Бездны. Она ушла сама, — то, как между двумя фразами голос Динь поменялся, заставило подступить непрошенные слёзы.

Рен ничего не знала ни о Смерти, ни уж тем более о Динь. Для тех, кто связан сделками, существовали лишь Пэн и Оук. Но видеть Динь, совсем недавно сражающуюся с вар-

тирай, уверенную и сильную, разбитой и потерявшей смысл жить, было невыносимо. Арне сказал, что никого сильнее Динь в Неверленде нет, что она поможет Рен еле сдержала смешок. Как глупо. Как глупо было довериться, чтобы и Бездну Пэну отдать, и потерять Криди.

— Зачем? — молвила Рен.

Если Смерть действительно сама прервала своё существование, то должна быть причина. Зараза сделок? Власть Пэна? Что? Рен хотела знать, ведь она всё ещё здесь. Она всё ещё могла выбрать чью-то сторону, чтобы не угодить в Бездну.

— Если бы я знала, мамбо, — вздохнула Динь. — Если бы я знала.

Она поцеловала ладонь Смерти, встала.

— Так почему ты уверена, что это не дело рук Пэна? — не унималась Рен. — Мы же не знаем, по каким мирам он скитался. Вдруг, он

— Мои чары, — ответила Динь так, словно Рен должна была всё понять. — Они не исчезла. Я чувствую биение магии Неверленда, пусть и слабое. Смерть не может уйти просто так, не забрав с собой то, что она создала. Или не оставив преемника.

Слова Динь Рен не убедили. Какой бы древней она ни была, сколько бы её ни учила сама Смерть, Динь не может знать наверняка.

— Думаю, — продолжила она печальным голосом, — я это даже почувствовала. Возможно, именно поэтому чары и

перенесли нас сюда.

— Главное, чтобы Пэн уже не топтался на пороге. Он же так хотел стать новой Смертью.

День фыркнула.

— Не ты ли собиралась его найти, а? Что, передумала?

— Конечно нет, — скрестила Рен на груди руки. — Но он стал сильнее. Так просто мне вряд ли удастся с ним договориться.

— У тебя в принципе вряд ли получится с ним договориться. Пэн жаждет власти, лишь бы превзойти ту, которой ни в одном из миров больше нет. Просто так он одну из душ не отпустит.

Рен поджала губы, обдумывая слова Динь и свой следующий шаг. Пока в голову лезли только мысли о горячем душе и постели.

— Как думаешь, — начала Рен осторожно, — могу я задержаться здесь на пару дней?

Динь покосилась на неё, грустно улыбнувшись:

— Смерть точно уже не будет против. Правда, удобств здесь ты не найдёшь. Если только не осталось что-то от Пэна. Но внизу есть бассейн с горячим источником.

— А ты не останешься?

— У меня есть всё время вселенной, но больше нет цели, — вздохнула Динь. — Бездна в руках Пэна, но мне интересно, кто же стал Смертью

— Вдруг ты? — оглядела её Рен.

День рассмеялась, и её смех заставил улыбнуться и Рен.

— О нет, мне такая ответственность даром не нужна.

Улыбка День потускнела, она подняла к потолку голову, словно хотела не дать слезам пролиться.

— Иди отдыхай, мамбо.

Рен кивнула, направилась к лестнице, ведущей вниз. Ступив на первую ступень, она обернулась на День. Та всё так и стояла перед статуей, будто надеясь, что Смерть всё ещё здесь. Покачав головой, Рен ускорила шаг. Стук подошвы её сапог эхом разносился по уходящему вниз тоннелю. Здесь было темно так, что Рен не видела и собственных пальцев, поднесённых прямо к глазам. Она шла на ощупь куда-то вниз по нескончаемой лестнице. Благо, Рен могла держаться за тонкие железные перила. Вскоре она увидела неровную полосу света. Это оказалась довольно узкая арка, ведущая в каменную комнату, наполненную паром от горячего бассейна прямо в скале. Камни покрывал светящийся голубым светом мох, а сама вода искрилась в лучах восходящего солнца, заглядывающего прямо в разинутую пасть скалы.

Раздевшись, Рен осторожно вошла в обжигающую воду источника. Раны и ссадины защипало, каждую мышцу будто принялись разминать умелые заботливые руки. Окунувшись с головой, Рен попыталась смыть кровь вартирай с волос. Шампунь бы или хотя бы мыло. Но всё это осталось в Моартестемаре, как и прежняя, более понятная и простая жизнь. И пусть она, Рен, была связана нитями множеств клятв, она

знала, что ожидать от следующего дня. Сейчас же она не знала ничего.

Вынырнув, Рен устроилась у каменного бортика, положила на него руки, а на них — голову. Ничейное море уходило далеко, к самой границе между мирами. Солнце вылезало словно из пожарища, таким красным было небо. Будто кто-то опрокинул банку с кровью. Или перерезал артерию. Мысли Рен невольно метнулись к Криди, к его последнему желанию. Неужели он знал, какой конец его ждёт? Мог ли? Ходил к гадалке, чтобы увидеть исход их путешествия? Но как узнал, что она, Рен, собирается просить его идти с ней? Оказалось ли всё это простой случайностью или Рен с самого начала была пешкой в чьём-то плане? Картинки и события в её голове были путанные от усталости. Она не могла понять, в какой момент всё началось, да и надо ли было это понимать? В том, что Арне манипулировал ей, Рен убедилась окончательно. Хотел ли он свести счёты с Пэном руками Динь или лишь вернуть невесту, Рен не желала знать. Причина была не важна, а лишь то, что теперь Рен не понимала, что делать. Пэн открыл Бездну, Криди не стало, а Динь вряд ли ей чем-то поможет.

Первой мыслью Рен было вернуться в Моартестемар. Может, Оук всё же сможет помочь ей. Пусть он и не тот, за кого себя выдавал сотни лет, но он всё ещё силён. Всё ещё Рен вздохнула, закрыла глаза. Она так устала.

Горячая вода распарила её, разморила. Веки сделались тя-

жёлые, а желание уснуть было сильнее, чем найти кровать. Пообещав себе полежать ещё совсем чуть-чуть, Рен закрыла глаза.

Дальше она видела лишь острые зубы, клацающие челюсти и мальчишку, пожирающего чьё-то сердце. А голос, такой знакомый, повторял, что она его бросила, предала, оставила умирать. Видела насаженную на жердь знакомую рога-тую голову, плачущую кровью. И мальчишку, тянущего к ней руки.

Проснулась Рен резко, сев и хватая воздух ртом. Лёгкие обожгло, будто она не дышала несколько часов. Пряди волос налипли к потному лицу, но руки Рен дрожали так сильно, что она не убрала волосы, а вцепилась в голову пальцами. Она скрючилась, пытаясь дышать, но грудь словно тиски сдавили. Или руки Пэна, сисясь переломать ей рёбра. Всклип вырвался из её рта. Сдавленный, громкий, истеричный. Не по Криди, плакать по нему она не может, а по себе самой. По пути, который закончился ничем.

— Чего так убиваешься, мамбо? — раздался голос Динь.
— Кошмар приснился?

— И в кошмаре очнулась, — просипела Рен. Горло — наждачка. Она убрала руки от своей головы, оглядела тёмную комнату, освещаемую лишь серебристым светом, льющимся с балкона. — Вода здесь есть?

Динь выразительно хмыкнула. Она вышла с балкона, повела рукой, зажигая факелы на стенах. Рен зажмурилась от

света. Открыв глаза, она увидела, что Динь протягивает ей кубок.

— Спасибо, — ответила Рен, принимая кубок.

Динь ничего не ответила, а прошла к креслу, стоявшему у камина, и опустилась в него. Одета она была так же, как и вчера. Только от пятен грязи и крови избавилась. Рен оглядела комнату. Просторная, с книжным шкафом, большим ковром на полу, сундуком для одежды, письменным столом и давно увядшими цветами в вазе.

— Это была его комната, — проговорила Динь. — Питера. Не знаю, почему Смерть оставила здесь всё так, словно он и не уходил.

— Наверное, надеялась, что он вернётся, — пожалала Рен плечами. — Кстати, спасибо, что принесла меня сюда и не дала утонуть.

— Ты бы не умерла, — усмехнулась Динь.

— Но ты всё равно меня там не оставила.

Рен смотрела на Динь до тех пор, пока та не отвернулась, хмыкнув. Возможно, Рен хотела, чтобы Динь ответила почему спустилась за ней, не бросила. Возможно, это придало бы значимости её существованию. А, возможно, окончательно бы убило его, чтобы Рен добровольно сдалась на съедение вартирай. Но Динь смолчала.

— Так, — осторожно начала Рен, — почему Пэн вообще отсюда ушёл? Поссорился со Смертью из-за разбросанных носков?

Шутка получилась не совсем удачная, но Рен ей рассмеялась. Истерично и устало.

— Глупая, глупая мамбо, — покачала головой Динь. — Совсем ничего не знаешь о мире, в котором живёшь.

— Ну извини, предмета неверлендоведение у меня в школе не было, а энциклопедию после смерти не выдали. Как встречу Оука, сразу подкину ему идейку.

Динь рассмеялась:

— Слышу влияние рогатого. Ты прости, я и сама не очень знаю о Моар Мумар Дурацкое название, никогда мне не нравилось. В общем, последние пару сотен лет я видела лишь болота да лягушек и не знаю, какие легенды ходят среди душ.

— О тебе ни слова, не переживай, — ответила Рен. Она скинула одеяло и опустила ноги на прохладный каменный пол. Только сейчас она увидела, что на ней надета длинная рубаха из грубой ткани. Видимо, Динь нашла её в сундуке Пэна. — Ну и? Умная фея расскажет глупой мамбо сказку?

— Сказку — закатила глаза Динь. — Сказка эта пахнет кровью и горелым мясом, но никак не волшебством и надеждой.

— Я в такой живу и после смерти, — не смогла смолчать Рен. — Давай, рассказывай.

— Мы с Питером познакомились ещё детьми, — начала Динь. — Так что я знала его лучше, чем сама Смерть. Но даже я не могла предположить, что он носит в своём сердце зависть. В одну ночь он вернулся другим, отмеченным бражни-

ком. Мрачным, молчаливым и с взглядом, затаившим обиду. Мне он ничего конкретного не рассказывал, но я видела, что он изменился, правда не придавала этому большого значения. — Динь рассмеялась, её взгляд потеплел. — Я была так влюблена в него, что не замечала ничего. До тех пор пока Смерть не пришла ко мне.

Динь замолчала, словно дальше говорить ей было тяжело. Рен не торопила. Она поглядела на свои ступни, покрывшиеся мурашками, искала взглядом одежду, но, видимо, Динь избавилась от неё.

— Это был второй и последний раз, когда я видела Смерть, — продолжила Динь. — И пусть между нашими встречами прошло много лет, она была такой, какой я её запомнила. Тогда она пришла поведать мне тайну Бездны, рассказать, где находятся врата. И взять с меня клятву их оберегать. В первую очередь — от Питера. Я возмутилась. Мне было не ясно, почему Смерть выбрала меня, а не своего ученика. Тогда Смерть сказала, что если я посчитаю нужным однажды рассказать Питеру о Бездне, я могу это сделать. С того дня я смотрела на него куда пристальнее, вслушивалась в его слова. Я хотела понять, почему Смерть выбрала меня, а не его. Возможно, Питер уже тогда знал что врата в Бездну у меня. Поэтому и был со мной. — Динь пожала плечами, тяжело вздохнула. — Однажды, когда я стала отстраняться, глубже уходить в изучении чар без него, он вспылил, наговорил мне всякого, а потом ушёл. Больше я его не видела.

Думаю, тогда он пошёл к Смерти требовать ответов, требовать Бездну. Признать его равным. Но — Динь усмехнулась, замолчала.

— М-да, — хмыкнула Рен. — Будь я психотерапевтом, давно бы озолотилась. — Динь непонимающе нахмурилась. — Не бери в голову. Так и что, Пэн просто ушёл?

— Если бы, ох если бы Какое-то время его действительно не было, а потом он пришёл за мной. Опутанный тенями, глаза его горели яростью и жадной крови. Я вышла к нему, хотела поговорить, решить всё мирно. Но Питер мирно не хотел. Он ударил меня первым.

Динь провела рукой перед своим лицом, словно убирала маску или вуаль. Рен сдавленно ахнула, увидев бугристый отпечаток ладони на лице феи и белый, явно слепой левый глаз.

— Он схватил меня, ударил магией, — продолжила Динь, вернув чары на место. — На мой крик сбежалась вся деревня. Они пытались остановить Питера, защитить меня, но заплатились за свою смелость. Я, удержав их души и не дав Питеру забрать себе, ударила его. Мы бились отчаянно, на смерть. На поляне, окружённой трупами и огнём. Я думала, смогу одолеть его. Ярость и боль во мне были так сильны, что я не чувствовала ран, новых ожогов Я видела лишь Питера, которого хотела убить. Тогда я действительно его одолела, забрала подаренную мной способность летать, но он скрылся раньше, чем я нанесла ему последний удар. С тех пор в

Неверленде его и не видели. Хотя, пару раз я чувствовала его присутствие. Но не долго. Уж не знаю, зачем он возвращался, но вряд ли затем, чтобы найти меня.

Рен нахмурилась.

— Если ты его так просто чувствуешь, почему не знала о нападении?

Динь, не глядя на неё, дёрнула плечами. Она явно винила себя, что Бездна теперь в руках Пэна. Рен же винила её не только за это.

— Поверь, меня этот вопрос тоже волнует. Но мысль у меня лишь одна: зараза сделок. Ты ведь прекрасно знаешь о превращениях в вартирай, о мёртвой земле. Вот и на мне, видимо, сказало. Хотя, я знала, что в этот раз он действительно вернулся. Поэтому и хотела уйти. Вдруг он так же сможет меня почувствовать. От Бездны б подальше хоть увела.

Рен не знала, что ещё сказать. Она глядела на свои ноги, которые уже порядком замёрзли. Рен поёжилась, встала, чтобы поискать какую-нибудь одежду. Холодный пол укусил пятки, заставил скривиться. Кое как, дрожа и пытаясь не послать посмеивающуюся Динь куда подальше, Рен допрыгала до сундука. Распахнув его, она вытащила что-то первое попавшееся, похожее на штаны, и двумя резкими движениями влезла в них. Рубаху Рен снимать не стала, а надела поверх куртку с капюшоном, которую Пэн достал скорее всего в человеческом мире. Ботинки — головастые, на толстой подошве — явно тоже. И пусть они были широковаты, это всё же

лучше, чем морозить ноги. Вдруг с этими сбоями в магии и цистит удастся подхватить?

— Где мой кинжал? — спросила Рен всё так же сидевшую в кресле Динь.

Фея сунула руку в складки одежды и достала оттуда клинок Рен и протянула его ей.

— Что будешь делать? — спросила Динь. — Искать Пэна?

— Ну не зря же я столько до тебя топала, — постаралась усмехнуться Рен. — Да и, сама понимаешь, нельзя здесь оставаться. Возможно, стоит вернуться в Моартестемар. Вдруг Оук одумался, а мне его помощь не помешает. Да и о Криди сказать нужно. — Рен сглотнула образовавшийся в горле ком. — Ну а ты? Вернёшься на болота?

— Не знаю, — ответила Динь. — Может, и да. Вдруг что-то из моих настоек всё-таки уцелело. А, может, уйду в Кац, к хексам. Или останусь здесь.

— Жалеть себя? — ляпнула Рен, прежде, чем успела осознать. — Пржней Смерти твои слёзы и причитания уже не нужны. Но вдруг ты нужна новой.

Динь пристально смотрела на Рен долгое мгновение. Затем, горько улыбнувшись, отвернулась.

— Ступай, мамбо. Может, ещё и свидимся.

Рен сжала губы в тонкую линию. Хотелось ей, чтобы Динь если не пошла с ней, то сделала хоть что-то, чтобы остановить Пэна, исправить магию Неверленда. Искупить вину за смерть Криди. Но Рен ничего не сказала. Смерть Криди для

Динь наверняка, что смерть назойливой букашки. Она лишь застегнула молнию куртки — из открытой балконной двери дул странно ледяной ветер — и направилась прочь. В проёме остановилась, ухмыляясь шальной мысли:

— До свидания. Тётя.

И закрыла дверь прежде, чем Динь швырнула в неё чарами.

Спустившись в холл, Рен на пару мгновений задержалась у Смерти. Мысли крутились только об одном: «пусть я выберусь». Услыхав эхо шагов, Рен заспешила уйти. Распахнув тяжёлые деревянные двери, Рен задохнулась от порыва холодного ветра, ударившего в лицо. Предраассветный лес, окружающий замок, пожелтел, пожух, словно времена года переключили тумблером в одно мгновение. За три года в Неверленде, Рен не видела здесь осени. Бутоны на фасадах зданий всегда цвели в зелёной листве, с гавани дул приятный бриз, а дожди были тёплыми и кратковременными. Сейчас же остров будто лишился красок. Будто из него медленно уходила жизнь.

Накинув на голову капюшон, Рен направилась к лесу. В вышине прогремел гром. На Неверленд обрушился дождь.

Глава 2. Оук

Прикосновение к губам было такое, словно к ним поднесли кусок льда. Холодное, влажное, но одновременно оживляющее и обжигающее. Вдохнув эту влагу, Оук открыл глаза. Их тут же залило водой, и Оук, зажмурившись, сел. Дождь стучал по его коже, затекал в рот, уши. Капли барабанили по земле и траве. Оук прислушался, потянулся сквозь почву, корни и стволы деревьев. Он чувствовал. Слабое биение магии и тягучую вонь яда сделок. Остров пытался дышать, но пути клятв душили, убивая. Теперь Оук это чувствовал. Теперь он слышал.

Вновь открыв глаза, он огляделся. За плотной стеной дождя, Оук различил три фигуры: Арне, Дитрича и Ульяну. Они ждали, не решаясь подойти или заговорить. Неужели, не верили, что ритуал получится? Хотя, Оук и сам не верил. Даже сейчас. Поднявшись с земли, Оук прошлёпал к остальным.

— Хорошо выглядите, господин Верховный, — усмехнулся Дитрич. Оук молчал. — Надеюсь, мы ничего не напортачили, и он не стал нем.

— Возможно, его тело просто адаптируется, — ответил ему Арне. — Но давайте не будем ждать, а вернёмся туда, где тепло и сухо.

— А вот с этим может возникнуть загвоздочка, — невесе-

ло хохотнул Дитрич. — Возможно нам придётся идти пешком.

Арне пробормотал что-то невнятное, но явно очень ругательное. Оук захотел рассмеяться, но не стал. Ему словно было тяжело связать свои эмоции и движения тела. Такое было поначалу, когда он только появился в Неверленде. Немного времени, и Оук привыкнет к себе новому.

— Пешком? — возмутился Арне. — Да мы вартирай знает где! А так же, как сюда, обратно не выйдет?

Все трое обернулись на Оука, а он сам понятия не имел, как у него вышло перенести всех сюда. Вспомнив свои ощущения, Оук мог предложить, что сам Неверленд помог им оказаться здесь. Сам остров направил его магию, но они же теперь связаны? Может, у Оука всё же выйдет?

Ничего не ответив, Оук зарылся пальцами ног в мокрую землю. Пошевелил ими, будто пытался что-то нащупать — дорогу обратно в Моартестемар, ответ на вопрос «а что делать дальше?» Неверленд отзывался шёпотом множества голосов, шелестом листвы, журчанием ручьёв и шумом дождя. Его кожу трогали нежные пальцы, а носа касались запахи болот, солёной морской воды и далёких лесов. Щёку щекотнуло перо, над ними раздалось воронье карканье и хлопанье десятков крыльев. Вытянув руку в черноту неба, он почувствовал, как ладонь сжали птичьи лапы, впившись когтями в кожу. Огромный ворон, сотканный из мрака и безлунной ночи, с лёгкостью оторвал Оука от земли и сквозь стену во-

ды, под раскаты грома и вспышки молний понёс в Моарте-стемар. Обернувшись, Оук увидел, что остальных тоже подхватили вороны и несли прямо за ним, рассекая ночь сильными крыльями.

Вскоре дождь прекратился, туман рассеялся, а под ногами Оук увидел несколько горящих костров на улицах Моарте-стемара и пришвартованный в гавани “Чёрный георгин”, на палубе которого приветственно светил фонарь. Птицы приземлили их прямо к дверям “Жёлтого утёнка”, за дверями которого Оук поспешил скрыться, чтобы горожане его не заметили. Он всё ещё был голый и определённо точно грязный. Хорошо, что в баре было пусто и темно.

Он только ступил на лестницу, ведущую на верхние этажи, как услышал, что входная дверь открылась. Вздохнув, Оук обернулся.

— Хорошая поездочка вышла, правда? — по голосу Оук узнал Дитрича.

— Что нужно? — проговорил Оук и тут же пожалел об этом — горло саднило так, будто он проглотил горсть битого стекла.

— Сестра, ты слышала? — хохотнул Дитрич. — Он всё же не онемел! Я переживал, правда.

— Не нужно испытывать моё терпение, — устало вздохнул Оук. — Если вы полны сил, можете потратить их на что-то полезное, а мне нужно прийти в себя.

Он уже развернулся и собрался уйти, как Дитрич за его

спиной проговорил:

— Мы теперь от вас не уйдём.

— Угрожать мне вздумал? — усмехнулся Оук.

— Ни в коем случае! — отозвался Дитрич. — Просто, понимаете Наш род, род хексов, всегда был связан с истинной магией Неверленда. С магией Смерти. — По спине Оука пробежал холодок, который он не смог списать на сквозняк.

— А вы

— Мне свита не нужна, — отрезал Оук. — Кем бы я ни стал, мне самому сначала надо с этим разобраться.

— Вас теперь нет, господин Верховный, — зловеще проговорил Дитрич. — Вы — Неверленд и каждый его обитатель. Теперь от ответственности убежать не получится.

Оук не нашёл, что сказать. Будто, если возразит, магия Неверленда задушит его. Вернёт в оковы сделок, из которых он не сможет выбраться. Но Оук не врал: ему действительно нужно время. Пусть до утра. Ещё пару часов назад он был демоном, в руках которого тысячи нитей клятв и обещаний. А сейчас Сейчас Оук не понимал, кем стал.

— Поговорим завтра, — молвил Оук, не зная, что ответить ещё. — Мне нужно отдохнуть.

— Но — начал было Дитрич, но его что-то прервало. Дальше Оук услышал только невнятное бормотание, словно ему зажали рот рукой.

Воспользовавшись этим, Оук заспешил по лестнице на чердак, где магия не даст его потревожить до того момента,

пока он сам не захочет. Дверная ручка привычно пощекотала кожу магией, отворилась, впуская Оука в кокон тишины и расслабляющих чар. Закрыв за собой дверь, Оук даже простонал от облегчения. Магия, которой пропитан каждый сантиметр чердака, больше не давила, как совсем недавно, не лишала воздуха и не вызывала желание раздавить собственную голову. Оуку дышалось так легко, будто он вновь оказался на туманных равнинах.

Не зажигая свет, Оук сразу направился в ванную, чтобы смыть с себя всю грязь и последствия ритуала, обрывки которого кусками всплывали в памяти. Больше, чем слова Дитрича, Оук помнил боль. Как ломались его кости, как он горел изнутри. Как в него ударила молния. Интересно, у него остался хоть след? Изменился ли он сам внешне? Но, пока не вымылся, Оук не решился посмотреть на себя. Он долго стоял под горячими струями воды, глядя, как куски грязи, травы, золы и крови утекают в слив. Ниже шеи он не изменился. Лишь появилась какая-то метка на груди, но в тусклом свете изумрудных кристаллов он не мог разглядеть её.

Сколько Оук стоял так, в душе, он не знал. Долго, дольше чем нужно, чтобы хорошенько помыться пару десятков раз. Чего он ждёт? Почему всё ещё прячется? Оук слушал себя, стараясь не слышать Неверленд за стуком капель воды о плитку. Он пытался понять, кем же стал. В нём стало так много всего, что Оук не понимал, его оно или чужое. Будто во время ритуала в него поместили чужую душу. Или это

так ощущается принятие имени, которое скрывал сотни лет? Пэн сказал, что имя для хексов многое значит, что оно связывает с родом, племенем и землёй. Что если Оук не стал кем-то другим, а просто наконец стал собой?

Ему определённно предстоит об этом подумать. Возможно, с кем-то обсудить Мысли, впервые за много-много лет, метнулись к Криди, в груди что-то, что люди именуют сердцем, болезненно сжалось. Словно Оуку вдруг стало жаль, что они так глупо поругались. Словно Оук скучал по Криди, но сам не верил в это. Интересно, где они с Рен сейчас? Нашли ли Динь? Почувствовали ли, что произошло с ним и островом? Сколько не гадай, Оук всё равно не узнает, пока сам не спросит, но он пообещал Рен не искать её до истечения срока сделки. Правда, теперь ни одной его сделки больше нет

Выключив воду, Оук прошлёпал в комнату. За ним тянулись мокрые следы от ступней, вода капала с волос и рогов. Мурашки пробежали по коже, Оук задрожал. Щелчком пальцев он зажёл огонь в камине и подошёл к окну во всю стену. Тёмные улицы Моартестемара больше не освещали витрины магазинчиков, окна баров и вывески борделей. Лишь несколько костров да огоньки от сигарет. Оук видел своё отражение в окне. Ничуть не переменившееся лицо, всё те же чёрно-белые волосы и рога, всё те же красные демонские глаза. Только под грудью, где расходились рёбра, появилась метка, которую теперь Оук мог разглядеть. Шипастая корона, которую держали две руки — когтистая демона и

костлявая явно Смерти. Эти руки были связаны двумя лентами, из узла которых рос ликорис. Проведя пальцами по татуировке, Оук не почувствовал ничего — ни выпуклых линий рисунка, ни боли, ни жжения. Магия Неверленда оставила на нём свою метку, но что она значит? Корона, руки не просто так это Глаза Оука вмиг распахнулись, он отдёргнул пальцы от татуировки, будто обжёгся. Осознание невозможного прошибло так, что он подавился воздухом. Не может быть Не может быть, что он

Оук замотал головой, схватившись за неё руками. Он не верил. Не мог поверить. Сполз на пол, прислонился лбом к холодному стеклу. Такому же холодному, как и поцелуй, какой он почувствовал перед тем, как открыть глаза. Как она могла? Почему? Оук надеялся, что он ошибся. Что он не так понял, что татуировка значит совсем не это. Он был готов стать вождём племени хексов, уйти на болота к Динь, но только не Он задохнулся в панике и страхе. Не то он думал получить, когда согласился принять своё предназначение и ответственность. Та старуха должна была знать. Должна! С громким вскриком, от которого задрожали стены, Оук ударил кулаком по стеклу. Когти впились в кожу, распоров её, и по руке скатилась капля крови.

— Покажи — просипел Оук, — покажи мне Смерть.

Отстранившись от окна, Оук уставился в черноту и собственное отражение, ожидая, что оно сменится. Но он продолжал видеть лишь себя. Испуганного, вмиг пожалевшего

о своём решении.

— Смерть! Покажи мне Смерть! — взревел он, молотя кулаками по стеклу.

Но картинка в окне не менялась, упорно продолжая показывать его самого.

Ответственность за остров ответственностью, но стать Смертью Оук не хотел этого. Оук не соглашался на это. Сейчас он ощущал себя одной из глупеньких душ, которые, соблазнившись на сделку, не прочли написанное в контракте мелким шрифтом. Вот и он не прочёл Но, может, у него получится вернуть всё назад? Договориться с прежней Смертью о хотя бы разделе обязанностей. Он ведь даже не знает, что теперь должен делать. Вот только где её искать?

— Покажи прежнюю Смерть, — скомандовал Оук.

Задержав дыхание он, смотрел на своё отражение, пока оно не пошло рябью и сменилось на залитый лунным светом зал, в центре которого стояло кресло с сидящей в нём фигурой. Фигура была закутана в плащ, скрывающий лицо. Одна рука её покоилась на подлокотнике, а вторая тянулась к нему, к Оуку, будто что-то ему отдавала. Оук потянулся в ответ. Своим телом и магией. Потянулся, провалившись сквозь оконное стекло, шагнул на холодный каменный пол голыми ступнями. Пальцы лизнули тени, прячущиеся по углам, сидевшие у ног Смерти, словно верные псы. Они завертелись, завихрились, окутали голую кожу, шелестя листвою и завывая множеством голосов.

Оук смотрел на Смерть, тянущую к нему костлявую руку. Он не решался подойти. Кто он и кто Госпожа Смерть? Он же обычный демон, родившийся из людских пороков и грехов. А она Не может он стать ей. По природе своей не может. Попятился, будто шаг назад перенесёт его обратно в Моартестемар, но что-то мешало, держало и толкало вперёд. Будто сами тени хотели, чтобы он подошёл к Смерти. Вздыхнув, Оук шагнул к ней. Медленно шёл, осторожно, словно ступал по острым камням. Даже подойдя, не смог увидеть лица, скрытого окаменевшими складками капюшона. Его там будто и не было вовсе, а лицом Смерти служил древний мрак, вмещающий время и каждую умершую душу. Оук смотрел на Смерть, тяжело и часто дыша, словно боролся с приступом паники. Пока не увидел её, надеялся, что это либо сбоят магия, либо либо что угодно, но только не погибающая Смерть.

— Что же с тобой стало? — молвил Оук. — Кто это сделал?

Но Смерть молчала. Не шумел за окнами ветер, не завывал в пустых коридорах сквозняк, не шелестел его плащ, сотканый из теней. Оук аккуратно, боясь сломать, дотронулся до вытянутой руки Смерти. Ни тёплая, ни холодная никакая, словно и не была тут совсем. Словно он её выдумал. Склонившись, Оук прижался щекой к руке Смерти. Зашептал, запричитал. Умолял открыть глаза и снять с его плеч такую ответственность, которую он точно не в силах вынести.

Рухнув на колени, Оук ударился лбом о её ноги, о каменные складки плаща. Он просил, звал, умолял, но ни Неверленд, ни ушедшая Смерть не отвечали ему. Слёзы Оука стекали по камню, собираясь в лужу на полу. Он бы и сам свернулся клубком у ног Смерти и лежал лужей до того момента, как ему кто-то не скажет, что делать.

Что ему делать? Как быть смертью, если за сотни лет с ней не сталкивался? Ни в привычном понимании людей, ни с Госпожой? Почему он? Почему не Пэн, который уж точно знает о работе Смерти куда больше него? Столько в голове вопросов, вот только задать их некому. Хоть Пэна зови или к Динь отправляйся. Оук рассмеялся тому, что ни один вариант его не устраивал.

— Ладно, — вздохнув, поднялся Оук с пола, — теперь уже, видимо, пути назад нет. Ну и влип я, — усмехнулся он и покачал головой. — Надеюсь, Неверленд не пожалеет о своём выборе.

Наклонившись, Оук поцеловал руку Смерти, прошептал: — Пусть духи оберегают тебя.

И шагнул через лунный свет обратно в свои покои на чердаке «Жёлтого утёнка».

Глава 3. Рен

Лес, через который Рен пробиралась, был тих, словно все до последнего короеда вымерли. Изредка скрипели деревья, будто выпускали последние вздохи. Изредка в ветвях шелестел ветер, больше похожий на завывания монстров. В очередной раз Рен порадовалась, что ушла на рассвете, а не посреди ночи. Правда, она всё ещё не знала, куда направляется. Карта осталась в сумке, которую они бросили в доме Динь, а как Криди Рен ориентироваться не могла. А жаль. Жаль, что не успела взять у него парочку уроков. Пусть демон и рассказывал ей по каким признакам определить сторону света и время суток, Рен не могла применить эти знания — Неверленд менялся на глазах. Земля покрывалась инеем, листья стремительно желтели и облетали, а небо стало низким от затянувших его туч.

Грея руки дыханием, Рен брела через лес, надеясь выйти на дорогу. Возможно, так она сможет увидеть Плачущие горы, а уж по ним поймёт, где примерно находится и в какой стороне Моартестемар. Рен брела, трясаясь от холода и стуча зубами. Ног она не чувствовала, руки посинели. Интересно, она отправится в Бездну от обморожения или просто останется валяться под деревом обледенелой статуей? Остановиться бы, костёр развести, только нечем — зажигалка осталась в потерянной сумке. Со злости Рен пнула поваленное

дерево.

— Чёрт! Дерьмо! — ругалась Рен, снова и снова пиная ни в чём не повинное дерево.

Легче не становилось. Ни когда уже отбила всю ногу, ни когда от крика на морозе засадило горло. Размахнувшись для самого сильного и злого удара, Рен не устояла, нога поехала на опавшей листве, а она сама рухнула на землю, больно ударившись головой о корягу. Падение выбило из Рен дух, но успокоило. Она, раскинув руки, лежала на спине и глазела в сизое низкое небо, цепляющиеся облаками за голые верхушки деревьев. Видимо, очень сильно зацепились, раз прорвали брюхо, выпустив крупные хлопья снега. Рен заворожённо следила за их падением, лоя приоткрытым ртом. За три года в Неверленде она отвыкла и от холодов, и от снега, коих здесь никогда не бывало. Но почему сейчас? Признак ли это скорой гибели? Или всё же перерождения? Не важно чего, на самом-то деле. Важно восстановить силы и попробовать выменять у Пэна билет домой. Рен фыркнула. Ага, восстановишь тут, как же! Костёр не разведёшь, есть нечего, продолжит лежать — так и вмёрзнет в землю. Наверное, зря она ушла от Динь. Наверное, всё же стоит попробовать позвать Оука. Между ними протянуто столько нитей сделок, что он обязан услышать.

Рен уже собралась попробовать, как увидела поднимающийся из-за леса дым. Костёр? Пожар? Рен резко поднялась и, на сколько позволяли окоченевшие ноги, устремилась ту-

да, откуда шёл дым. Она не знала, на что сильнее надеялась: набрести на деревню, откуда её скорее всего погонят, слово чумную, или угодить в пожар. Пожар мог означать то, что Криди жив и ищет её.

Снег валил такой плотный, что Рен двигалась через лес практически наощупь и одним желанием пройти ещё хоть пару метров. Её несколько раз хлестнуло веткой по лицу, да так больно и неожиданно, что из глаз брызнули слёзы. Она устала, замёрзла и хотела лишь спать. Просто лечь и уснуть в мягком свежем сугробе, но, стиснув зубы, Рен упорно шагала вперёд, пусть спотыкалась и падала. Вскоре она почувствовала яркий запах горящий дров, аромат благовоний и тушёных овощей. В животе заурчало, Рен сглотнула — она не ела уже очень давно. Вместе с запахами, до неё долетели голоса. Множества голосов, напевающих, бормочащих, сливающихся с тонким звоном колокольчиков. Рен ступала аккуратно, дабы не напугать, не показаться угрозой. Шла медленно, хотя сама хотела как можно скорее усесться задницей на раскалённые угли.

Выглянув из-за деревьев, Рен увидела пылающий костёр, вокруг которого сидели феи. Рен узнала их по цветным участкам кожи, выглядывающим из кучи одежды, в которую они были замотаны. Они тянули песни, бормотали слова и бренчали маленькими колокольчиками. На кострах поменьше, чуть в стороне, жарилась туша какого-то животного и что-то готовилось в котелке. Рен сглотнула наполнившую

рот слюну. Как же хотелось есть, но Рен не решалась обратиться на себя внимание фей — мало ли какой важный ритуал она прервёт. Может, всё же, стоит уйти? Попробовать поискать другую деревню или Рен мотнула головой: уйдёт и сгинет в снегах.

— Эй! — крикнула она, выйдя из-за дерева. — Эй! Простите!

Парочка сидевших у костра фей обернулись, отшатнулись и указали на неё пальцем, привлекая внимание и всех остальных.

— Сделочникам в Нибине не место! — воскликнул высокий мужчина, встав на ноги. — Убирайся!

Рен повело, на секунду разум затуманился, а нога уже оторвалась от земли, чтобы сделать шаг прочь.

— Нет, — мотнула она головой. — Пожалуйста, мне нужна ваша помощь, я — Подобрать слова было куда тяжелее, чем пробираться через буран. — Заблудилась и замёрзла. Помогите мне, и, обещаю, я не стану долго раздражать вас своим присутствием.

— Твои слова так же пусты, как и твой дух, — прорычал мужчина. — Убирайся и не гневи землю! Вы и так достаточно её отравили!

— Эй! — нахмурилась Рен. — Я была с тобой вежлива и сказала «пожалуйста». Не хотите помочь по-хорошему, извините, но я заставлю вас силой.

И Рен вытащила прикреплённый к поясу кинжал. Правда

руки слушались так плохо, что она его чуть не выронила.

— Я просто хочу хотя бы погреться, — молвила Рен.

— Что непонятного

— Оставь девочку, Кэлдар, — перебил его старушечий голос. — Одна сделочница точно не сделает хуже. Иди сюда.

Рен поманила к себе фигура, сидевшая у костра. Фигура была запутана в одежду и шали так, что торчали лишь красные глаза и руки с длинными пальцами, кожа которых сливалась со снегом.

— Я всё ещё люмин этой деревни, мама, — процедил Кэлдар, явно недовольный тем, что его не слушают. Рен было всё равно на выяснения их отношений, она лишь хотела наконец расположиться у костра. — Из-за сделочников Неверленд гибнет, а ты хочешь пригреть эту жабу!? Хочешь признать их равными?!

— Может, как раз из-за таких, как ты, Кэлдар, Неверленд и гибнет?

Тот, явно не найдя что ответить, громко хмыкнул и, оглядев всех, сказал:

— Выдвигаемся на закате.

И ушёл к костру, где жарилось мясо.

Остальные же уставились на Рен, словно подобных ей никогда не видели. Рен, убрав кинжал, направилась в женщине, которая её позвала. Та чуть подвинулась на подушках, освобождая Рен место.

— Спасибо вам, — произнесла Рен, устроившись у кост-

ра.

Она тут же протянула к огню руки, но не почувствовала ничего приятного, а лишь боль и сильное покалывание, словно кожу жалили сотни пчёл. Рен стиснула зубы, сдавленно вскрикнув, и прижала ладони к груди.

— Коварная пора, — проговорила женщина. — Хоть и красиво, но жутко.

— Зима она такая, — ответила Рен, придвинувшись ближе к огню, но руки не протягивая. Женщина непонимающе посмотрела на неё. — Зима. Время года, когда падает снег и приходят холода. У нас, в мире людей, такое несколько месяцев длится. Но потом всегда наступает весна.

— И как вы только это выдерживаете, — отозвалась женщина. — Колени на дождь и так болят, а с самого утра каждую кость ломит.

Рен невольно рассмеялась.

— Извините.

— Как зовут тебя? Куда идёшь?

— Рен. Возвращаюсь в Моартестемар.

— Рен, — повторила женщина. — Рен Ренэйт?

— Да. Вы меня знаете?

— Не я, — вздохнула женщина. — Моя внучка. Аннун.

Рен раскрыла рот, но не нашла, что ответить. В голове всплыл тот вечер, когда они с Аннун пошли на «Чёрный георгин». Тогда Фукуда спросил, откуда та родом. Нибин и Пропаций залив — Рен помнила.

— Пойдём со мной, — проговорила женщина, поднимаясь.

Она зашагала вглубь деревни, подбирая длинные полы одежды, чтобы не наступить. Шли медленно, осторожно ступая, дабы не подскользнуться, зато Рен могла повнимательнее рассмотреть родную деревню Аннун. Она видела мало поселений, всего парочку, но они были довольно одинаковыми, так что у Рен сложился образ всех деревень Неверленда, и она несколько удивилась, когда не увидела привычных ей одноэтажных хижин, сложенных из брёвен. Домики в Нибине являлись будто частью самих деревьев, на ветвях и у корней которых расположились. Круглые витражные окна походили на крылья огромных бабочек, а колокольчики, нанизанные на протянутые от крыши к крыше нитки, тихо звенели на холодном ветру. Никого из жителей Рен не заметила, видимо, все они сейчас сидели у костра занятые неизвестным ей ритуалом.

Женщина остановилась у высокого дерева, на котором, на разной высоте, расположились аж три домика. К каждому вели деревянные ступеньки и верёвочные лестницы. Женщина подождала, пока Рен её догонит, и принялась подниматься по ступеням. Остановилась она только на пороге второго от земли домика.

— Заходи, — бросила женщина и скрылась за дверью.

Рен последовала за ней. Стоило переступить порог, как дом дыхнул на неё теплотой и сладким сливочным ароматом.

том. В животе тут же заурчало, а до горла прокатилась волна тошноты. Тепло исходило от большой чаши на витиеватых ножках, наполненной раскалёнными углями. Рен подвинула ближе к чаше кресло-качалку, укрытую будто сплетённым из мха пледом, уселась в неё и с наслаждением выдохнула, обласканная приятным жаром.

Женщина гремела чем-то позади, потом она, подтянув к себе крюк, болтающийся под потолком, повесила на него чайник. Затем выудила из своих одежд несколько пузырьков из тёмного стекла, откупорила и понемногу вылила содержимое прямо на угли. Переворошив их кочергой, она скрылась в другой комнате. Рен разулась, поставила ботинки под чашу, чтобы погрелись, а сама завернувшись в плед, забралась на кресло с ногами. Тепло расслабляло уставшие и окоченевшие мышцы, от аромата корицы, сосны и облепихи, наполнивших комнату, клонило в сон. Рен уже почти задремала, как вернулась та женщина.

Она была старой. С испещрённым морщинами белым лицом, на котором не было ни намёка на румянец. Белые кудрявые волосы, белая кожа, лишь глаза горели красным в обрамлении белых, будто в инеи, ресниц. Рен очень хотелось узнать её имя, но она не решалась заговорить. Ждала, пока хозяйка дома сядет, но та, убедившись, что вода в чайнике закипела, сняла его с крюка, оттащила на кухню, — Рен мельком увидела её, обернувшись через плечо, — где вновь загремела посудой. Но вернулась быстро, с двумя огромны-

ми, наверное с пол-литра, чашками белой жидкости, ярко пахнущей молоком с мёдом и цветами.

— Спасибо, — ответила Рен, принимая чашку.

Она осторожно отпила, но жидкость не обожгла, а лишь приятно обволокла рот и желудок.

— Красиво у вас, — нарушила тишину Рен, оглядывая комнату.

Женщина улыбнулась. Она смотрела на Рен красными глазами так пристально, словно пыталась достать из головы каждую мысль. Рен поёрзала на кресле, кашлянула.

— Вы не назвали ваше имя. Моё вы знаете, а я ваше нет.

От того, как женщина вздохнула, в голове у Рен зазвучали слова Динь о том, что имя в Неверленде ничего не значит. Она уже приготовилась услышать эту фразу, но женщина сказала:

— Эйле. Но, помимо моего имени, тебе наверняка интересно, откуда я знаю тебя. — Рен кивнула. — Аннун писала мне о тебе. Раньше она довольно часто отправляла письма с одним симпатичным белобрысым демоном

— С Криди? — воскликнула Рен. — Криди доставлял письма?

— Я не спрашивала его имени, но однажды подарила свою шляпу, чтобы его окончательно не залило дождём.

— Он до сих пор в ней ходит, — улыбнулась Рен, пусть и сердце больно кольнуло.

— Ходил, да? — поправила Эйле, и Рен вздрогнула. — Я

видела его судьбу так же отчётливо, как вижу твою.

— И что же там? В моей судьбе?

Эйле улыбнулась.

— Не злись, милая, но судьбу я не предсказываю. Пообещала предкам и духам, да и матушке Динь, что буду держать дар свой в секрете. Ничего хорошего из моих предсказаний не выйдет.

Закусив губу, Рен кивнула. Пусть ей и хотелось поговорить с Эйле, ведь сомнений в собственном пути у Рен было больше, чем уверенности, но не стала. Невежливо. Эйле защитила её, пустила в дом. Не нужно, чтобы она пожалела о своём решении. Но один вопрос Рен всё же решилась задать:

— Судьбу острова вы тоже видите?

Эйле кивнула.

— Правда не так ясно, как любую другую. На судьбу Неверленда влияют решения всех обитающих здесь существ. Даже сделочников. Я вижу варианты. Множество вариантов. Сегодня ярче один, завтра — другой. Но каждый из них не является окончательным. Так же, как и варианты твоей судьбы.

— Точно не хотите мне больше ничего сказать? — улыбнулась Рен.

Эйле рассмеялась:

— Если только указать дорогу в Моартестемар.

— Ну, и на том спасибо.

Больше они ни о чём не говорили, а пили молоко молча.

Эйле принесла плетённую корзинку с клубками ниток и спицами и принялась вязать что-то объёмное, похожее на накидку. Рен старалась сосредоточиться на детальном разглядывании интерьера комнаты, чтобы не уснуть, но получалось плохо. Тепло от очага и горячее молоко окончательно её разморили, а стук деревянных спиц убаюкал. Рен и не заметила, как уснула.

Разбудило её лёгкое прикосновение к плечу. Рен, еле разлепив глаза, увидела перед собой Эйле.

— Надо поесть, — проговорила она. — А потом нам пора уходить.

Рен размяла затёкшую шею, потянулась. Эйле подала ей миску с пахнувшей луком похлёбкой.

— Уходите насовсем? — спросила Рен, проглотив пару ложек.

— Нет, — ответила Эйле. — Вернёмся. Если болота нас отпустят.

— Болота? — нахмурилась Рен. — Идёте к Динь?

— К Матушке Динь, — поправила её Эйле. — К ней. Кэлдар думает, она знает, что происходит с Неверлендом и что нам делать.

Аппетит у Рен мигом пропал. Она хотела сказать, что они не найдут Динь на болотах, что там их может ждать лишь гибель, но язык словно завязался в узел.

— У тебя такое лицо, словно кислого молока напилась, — прищурилась Эйле. — Есть что мне рассказать?

— А вы не видите будущее любого из вашей деревни? — проскрежетала Рен.

Она хотела предупредить о Пэне, но сделка с Динь не давала ей говорить прямо.

— С ними всё хорошо завтра?

Эйле прищурила красные глаза. Рен стало совестно, что она не могла предупредить накормившую и обгоревшую её фею.

— Ты не можешь рассказать, так? — Вместо ответа, Рен запихнула в рот ложку похлёбки. — Понятно. На болотах что-то происходит, но мы не можем не пойти к Матушке.

Эйле вздохнула, встала из кресла и подошла к витражному окну. Рен не видела лица феи, но могла прекрасно понять, если та злится. Она бы на её месте, наверное, тоже злилась.

— Кэлдар не знает о моих чарах. Попробовать остановить его можно, но какова причина?

— Там опасно, — ответила Рен.

— Это не повод не идти к Матушке. Она единственная, кто может нам помочь, и никакие обитающие на болотах твари не остановят Кэлдара. Не остановят их.

Эйле какое-то время молчала, а Рен не решалась даже есть, хоть похлёбка и была вкусной. Она хотела помочь, сделать хоть что-то, чтобы отплатить фее за её доброту. Даже если на болотах Пэна уже нет, а племени удастся добраться до домика Динь, помощи они там всё равно не найдут. Если бы она только могла узнать, где сейчас Пэн..! Рен вздрогнула

от осознания.

— Я сейчас.

Поставив миску с похлёбкой на пол, Рен встала с кресла, замоталась в плед и вышла на тёмную улицу. Она вытащила из кармана кулон — ниточку, что вела к Пэну. И повесила его на шею. Новые ощущения просочились через холод не сразу — Рен понадобилось несколько минут, чтобы понять, что же она чувствует. Нить тянула её на север, в сторону Плачущих гор. Даже если Пэн ещё не там, не факт, что феи с ним столкнутся. Это немного успокоило Рен, но она всё равно надеялась, что магия болот их не пропустит.

Внизу всё ещё горели костры, отбрасывая в алое закатное небо языки пламени. Крупные снежинки медленно падали на голову, плечи, укрывая, словно заботливая мать. Жаль только, не грели. Рен вытянула язык, поймав одну снежинку. Съела. Поймала ещё одну. Она не скучала по зиме, холодам и слякоти. Но почему-то именно сейчас почувствовала в себе отголосок давно утерянной жизни. Возможно, это билось сердце Пэна в кулоне, а она сама напридумывала то, что никогда не будет. Как перед поисками Динь, например.

Вздыхнув, Рен стряхнула с головы снег и вошла в дом. Эйле в небольшой кухне собирала в два холщовых мешка свёртки и бутылочки.

— Если решитесь, — начала Рен осторожно, — отправляйтесь потом в Моартестемар. Пусть мы и сделочники, но зиму вместе переживать проще.

Эйле завязала мешки, развернулась и протянула один Рен.

— Еды хватит на несколько дней. Надеюсь, ты успеешь добраться до города.

Рен сжала губы в тонкую линию, кивнула.

— Спасибо, Эйле.

Та лишь улыбнулась.

У очага Рен нашла несколько накидок с капюшоном и широкие штаны. Видимо, Эйле приготовила их для неё. Надев всё, что лежало в кресле, Рен закинула мешок на плечо и вышла из дома вслед за Эйле. Покидать уютное помещение не хотелось совсем, особенно в преддверии ночи. Но идти по тёмному лесу с запасом еды и тёплой одежде лучше, чем днём без ничего.

У костра уже ждали готовые отправиться в путь остальные жители деревни. Только двое, как Рен поняла, оставались следить за костром. Кэлдар глянул на Рен злобно, словно именно она являлась причиной всех их бед.

— Не торопиться, Эйле, — бросил Кэлдар, когда Рен с Эйле подошли.

— Мне нужно было подготовиться к встрече. Не каждый же день мы

— Довольно, — оборвал её Кэлдар. — Пусть сделочница уходит. Хватит гневить духов и лоа.

Эйле молча повернулась к Рен, глядя тепло, будто привязалась.

— Спасибо, Эйле, — проговорила Рен. — В Моартесте-

маре тебя ждут.

— Пусть духи берегут тебя. — Эйле сжала плечо Рен. —
Может, и свидимся.

Рен кивнула и, подняв платок на лицо так, что остались
одни глаза, направилась в темноту леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.